

СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В КОНЦЕПТЕ «ЧЕЛОВЕК-ЧЕЛОВЕК» В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В. (ОТНОШЕНИЕ С РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ ПО МАТЕРИАЛАМ А. С. ПРУГАВИНА)¹

Кузнецова Н. Ю.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10021

Кузнецова Наталья Юрьевна, нач. управления, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
E-mail: foliage.07@mail.ru

В статье анализируются взгляды известного религиоведа и публициста А. С. Пругавина на старообрядчество на Европейском Севере России (Олонецкая, Вологодская и Архангельская губернии) на рубеже XIX-XX вв. Исследователь изучал, в том числе, отношения старообрядцев с окружающим миром, в частности, взаимодействие с местной государственной властью. Работы А. С. Пругавина отражают стремление публициста понять старообрядцев, дать им оценку не только с точки зрения угрозы, но и с точки зрения пользы, которую данная религиозная группа могла бы принести для государства. Публицист подчёркивал в своих работах, что из-за двойственности политики государства старообрядцы исключались из правового поля, а обыватели враждебно настроивались относительно данной группы верующих. Сам А. С. Пругавин считал старообрядцев не просто значимой частью русского народа, а той силой, которая сконцентрировала в себе механизм развития духовных и интеллектуальных сил для русского общества.

Ключевые слова: А. С. Пругавин, старообрядчество, религия, религиозная жизнь, Европейский Север, государственная власть

Европейский Север ещё со второй половины XVII в. стал одной из территорий, на которых укрывались от гонений властей представители крупнейшей в России религиозной группы неконформистов — старообрядцы. Росту и процветанию в этой части страны старообрядчества способствовал и особый историко-культурный ландшафт (лес покрывал значительную площадь территории, позволяя укрывать скиты и деревни от посторонних глаз, а многочисленные водные артерии давали возможность быстрого и передвижения), и географическое положение (удалённость от центра обеспечивала относительную свободу в действиях). Всё это позволило за довольно короткое время оформиться и сформироваться в этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

регионе значительной группе верующих — приверженцев «древлеправославия», которые на продолжительный период стали значимой частью местного традиционного общества.

Однако, несмотря на ряд благоприятных условий, существование старообрядцев в данной местности осложнялось столкновением и конфликтами с представителями местной власти. Закономерной реакцией на подобную «встречу-с-чужим» — чуждыми взглядами и мнениями, навязанными «чужими» правилами и законами — стало формирование у старообрядческой общности особой культурной парадигмы, выработанной в ответ на проблемы, возникающие у них в системе «человек-человек» при взаимодействии, прежде всего, с чиновниками и представителями правопорядка.

Само старообрядчество как явление интересовало в России не только и не столько государство и Русскую Православную Церковь, сколько различные общественно-политические группы, профессиональных исследователей и интеллигенцию. Одним из исследователей, посвятивших свою жизнь изучению религиозного вопроса и околорелигиозных проблем русского общества, стал Александр Степанович Пругавин (1850-1920), публицист, историк, народник и известный в империи религиовед.

Цель данной работы состоит в комплексном исследовании взглядов А. С. Пругавина на старообрядчество, как одно из ключевых явлений религиозной жизни на Европейском Севере, и его отношений с местной властью. Необходимо определить, удалось ли автору раскрыть обозначенную проблему в своих исследованиях, и обозначить тот вклад, который сделал Пругавин в общей совокупности трудов по данной теме.

Ещё в молодости А. С. Пругавин, будучи приверженцем народнических идей и взглядов, оказался в ссылке в Архангельской области, где смог лично увидеть народ, о котором с таким рвением вели беседы во многих тайных студенческих кружках и которому так стремились нести свет просвещения народники. В частности, в ссылке некоторое время он провёл в г. Кемь, где имел возможность познакомиться и с традиционным крестьянским обществом севера, и со старообрядцами. Именно тогда Пругавин заинтересовался изучением народной религиозной жизни и задался вопросом «знаем ли мы раскол?» (Борецкий, 1877). Поиску ответа на этот вопрос исследователь посвятил свою дальнейшую деятельность. Интересно, что к Пругавину попал такой важный материал, как копии секретных донесений Олонецкого губернатора министру внутренних дел в Петербург. Их ему предоставил С. А. Приклонский, другой известный либерал и публицист, также придерживавшийся народнических

взглядов (Пашков, 2009). Пругавин даже составил «Программу для собирания сведений о русском расколе, или сектантстве» (Пругавин, 1997), по которой в дальнейшем проводил собственные изыскания. Исследователь совершал поездки по империи, в которых наблюдал воочию народную религиозную жизнь, а также вступал в личное знакомство непосредственно с представителями различных религиозных течений.

Значительная часть наследия автора сегодня находится в Российском государственном архиве литературы искусств (РГАЛИ) в Москве, где хранится личный фонд А. С. Пругавина.

Публицистическое наследие А. С. Пругавина очень обширно, а старообрядчество стало одной из ключевых тем многих его работ. В его творчестве, посвященном старообрядчеству, чётко выделяются ключевые проблемы: воздействие старообрядчества на население Европейского Севера, связь со старообрядчеством монастырских обителей, внутренняя жизнь старообрядцев и её особенности. Часть работ автор посвятил исключительно проблеме возникновения, развития и распространения старообрядчества как религиозной группы. Так, в работе «Раскол и сектантство в русской религиозной жизни» (Пругавин, 1995-2) Пругавин размышлял о возникновении этого явления и о его роли в народной жизни, как и в брошюре «Значение сектантства в русской народной жизни» (Пругавин, 1881-1). Исследователь искал взаимосвязи между множеством существовавших в старообрядчестве течений, и в его бумагах присутствовали схемы и графики, на которых Пругавин пытался отразить эту взаимосвязь. При этом особое внимание автора было посвящено крупнейшему течению, возникшему и развивавшемуся как раз на Европейском Севере – беспоповству (Пругавин, РГАЛИ, 1868-1894).

Значительная часть работ затрагивала достаточно болезненную проблему — вопрос о взаимоотношениях старообрядцев с государством и церковью. И здесь Пругавин всякий раз приходил к выводу о том, что эти взаимоотношения — и с государством, и с РПЦ — представляли собой «столкновение двух полярных акторов» (Романова, Якушенков, 2012, стр. 77), а значит, никаким образом не могли складываться просто.

Например, в работах «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» (Пругавин, 1905-1) и «Соловецкие узники. К вопросу о монастырских заточениях» (Пругавин, 1881-2) публицист поднимает вопросы о монастырской ссылке. Рассматривая пенитенциарную практику как особое явление, Пругавин анализирует его и разъясняет читателям, как именно монастыри, религиозные организации, призванные к духовно-нравственному служению обществу, оказались

на службе у государства и действовали согласно государственным интересам. Много внимания Пругавиным было уделено вопросу о заточении старообрядческих наставников в крупнейший духовный центр Севера – Соловецкий монастырь (Пругавин, 1905-1, с. 134). Автор указывает, что ссылке подвергали «сектантов и других еретиков» по таким статьям, как «так или иначе провинившихся против церкви и религии», «за старообрядчество» (Пругавин, 1905-1, с. 21-22). Также он привлекает внимание читателя к тому, что использование именно северных монастырей для политической и религиозной ссылки поощрялось государством. Пругавин указывал, что целый ряд крупных монастырей в Архангельской и Вологодской губерниях несли подобную функцию.

Значимым источником информации о положении дел в Российской империи по интересующей его проблеме для А. С. Пругавина стали местные печатные издания, которые он либо выписывал, либо получал уже конкретные заметки от своих коллег и друзей. Кроме того, он состоял в обширнейшей переписке со многими представителями старообрядческих групп. В письмах обсуждались различные темы: начиная от их положения в российском обществе, законодательного и церковного гнёта в отношении старообрядцев, до развития старообрядцами книжного дела и строительства ими скитов в той или иной местности. Часто публицист выслушивал жалобы на несправедливое обращение местной власти. В письмах Пругавина нередко снабжали информацией, которая затем находила отклик в его последующих публикациях. Так, например, автор живо отреагировал на борьбу старообрядческого Амбургского скита с архангельскими властями и посвятил этому не только серию заметок в периодических изданиях (Пругавин, 1879, стр. 1127-1131), но и лично помогал скитникам составлять прошения на имя губернатора (Кузнецова, Сажин, 2017). Об итогах противостояния, которые оказались печальными для жителей скита, религиовед также публикует заметку (Пругавин, 1880, Февраль, с. 3; Пругавин, 1880, Март, с. 3).

Подобному если не дружескому, то вполне приятельскому отношению, как видится, чрезвычайно способствовал тот факт, что и у самого Пругавина отношения с властью были не простыми: политическая ссылка в годы юности, последующий негласный надзор и даже несколько арестов из-за его публицистической деятельности. События, через которые исследователь прошёл, делали Пругавина в глазах старообрядцев таким же гонимым, как и они сами.

Европейский Север, по мнению А. С. Пругавина, начиная со второй половины XVII в., виделся старообрядцам как «новый открытый мир нелимитированных возможностей, манящий, дающий

надежду бурного развития и процветания» (Романова, Якушенков, 2012, с. 77). Именно там, на слабо заселённых, а потому таких привлекательных для гонимых из центральной России приверженцев «древлеправославия» окраинах страны, они надеялись найти себе место и выстроить жизнь заново. Но по факту, несмотря на все положительные моменты, которые старообрядцы нашли для себя при освоении этих земель, они не смогли никуда деться от широкого круга проблем, возникших при выстраивании отношений в системах «человек-человек» и «человек-природа». В случае с системой «человек-природа» всё проходило более-менее гладко, и старообрядческие поселения и скиты, возникавшие в самых отдалённых и труднодоступных местах их нового мира, как правило, вскоре становились не просто духовными центрами, но и местами экономического развития, где аккумулировалась и торговля, и книжное дело. Но при контактах внутри системы «человек-человек» даже на этой окраинной территории практически сразу возникли трудно разрешимые или совсем не разрешимые сложности.

Одним из следствий подобных сложностей стали «коллективные самоожжения из-за религиозных и иных убеждений» (Пругавин, 1885), которые практиковали старообрядцы на Европейском Севере. Исследователь указывает, что данные трагические события имели место по причине тесного вплетения в противоборство местных властей со старообрядцами религиозных убеждений последних. Он подчёркивает, что именно отрицание властью возможности свободной религиозной жизни данной группы верующих и противостояние с ними, а также психологическая и историческая стороны проблемы состояли в тесной взаимосвязи. И если государственные органы и церковь, формируя статистику старообрядческих самоожжений, воспринимали это явление как «давным давно пережитое, похороненное и сданное в архив», то Пругавин вступает с ними из-за подобного восприятия в полемику, сформировав собственный перечень, начиная с 1670-х гг., и прослеживает данное явление вплоть до 1860 г.

Общий вывод, сделанный А. С. Пругавиным относительно такого явления, как старообрядчество, гласил, что старообрядцы, несмотря на их отсоединение от РПЦ, являлись тем самым эталоном, «корнем русского народа», на поиски которого представители интеллигенции и общественные деятели тратили годы и исписывали сотни листов заметок. А это означало, что старообрядцев нельзя было ставить вне закона, вешать на них ярлык «чуждых» или «опасных» элементов для русского общества и государства. Однако на практике, исследуя народную жизнь, сталкиваясь на местах с определёнными

ситуациями или получая о событиях в той или иной местности информацию из газет и писем, А. С. Пругавин видел, что происходит как раз то, чего, как он полагал, ни в коем случае не следовало делать. Старообрядцы исключались из русского общества как в законодательном отношении (против них принимались всё новые и новые акты, не позволявшие этой группе верующих спокойно существовать), так и в социальном плане, когда образованная часть общества, благодаря государственной и церковной пропаганде, тоже начинала воспринимать старообрядцев как угрозу их собственному благополучию.

Таким образом, двойственность политики государства, когда, с одной стороны, власть заявляла о целом ряде послаблений для старообрядчества, но с другой, по-прежнему активно лоббировала антистарообрядческие законы и настраивала обывателя против старообрядцев, приводила, как заключал А. С. Пругавин, к тому, что значительная часть населения империи, причём населения образованного, экономически и духовно развитого, оказывалась вне законодательной защиты и вне общественного признания. Это, в свою очередь, давало повод различным общественно-политическим организациям полагать, что старообрядческую группу верующих можно вовлечь в борьбу с государственным строем, для чего в среде верующих делались попытки вести пропагандистскую работу. Однако подобные заключения — о способности старообрядцев стать оплотом антиимператорской борьбы — не находили, как отмечал исследователь, никаких логических обоснований и подтверждений. Кроме того, Пругавин, не поддерживавший мнение об «опасном и вредном» статусе старообрядческих верующих, исходившее не только от государства, но и от РПЦ, и посвятивший исследовательской работе значительную часть жизни, пришёл к чрезвычайно значимому выводу. Он полагал, что именно старообрядцы могли считаться особо значимой частью русского народа, в которой сконцентрировался механизм развития духовных и интеллектуальных сил для русского обществ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

Список литературы

- Борецкий, А. С. (1877). Знаем ли мы раскол? *Неделя*, (49), стр. 1655–1658; 50, стр. 1700–1705.
- Кузнецова, Н. Ю. & Сажин Б. Б. (2017). Persecution of the Ambur skete in the letters of Alexander Stepanovitch Prugavin. *Вестник Санкт-*

- Петербургского университета*, 62(4), стр. 807–816.
doi: 10.21638/11701/spbu02.2017.408.
- Пашков, А. М. (2009) С. А. Приклонский: От царского чиновника до народнического публициста. *Новый исторический вестник*, 2(20), стр. 105-115.
- Пругавин, А. С. (1880, Февраль). Архангельский уезд, 24-го февраля (Корреспонденция «Голоса») *Голос*, (64), стр. 3.
- Пругавин, А. С. (1880, Март). Архангельский уезд, 1-го марта (Корреспонденция «Голоса»). *Голос*, (68), стр. 3.
- Пругавин, А. С. (1881-1). Значение сектантства в русской народной жизни. *Русская мысль*, (1), стр. 301-364.
- Пругавин, А. С. (1905-1). *Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости)*. Москва: «Посредник», Серия «Для интеллигентных читателей».
- Пругавин, А. С. (1997). *Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве*. Москва: Социология в России XIX -- начала XX.
- Пругавин, А. С. (1905-2). *Раскол и сектантство в русской народной жизни*. Москва: Типография И.Д. Сытина.
- Пругавин, А. С. (1885). Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе (Очерки, аналогии, параллели). *Русская мысль*, (I), стр. 79-111; (II), стр. 129-155.
- Пругавин, А. С. (1881-2). Соловецкие узники. К вопросу о монастырских заточениях. *Русская мысль*. (11), стр. 46–62
- Пругавин, А. С. (1879). Староверческие скиты (по поводу одного частного случая). *Неделя*. (38). стр. 1127-1131.
- Пругавин, А. С. (1868-1894). *Статьи, заметки, схемы о расколе* // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 67.
- Романова, А. П. & Якушенков, С. Н. (2012). Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на юге России. *Инноватика и экспертиза*. 2(9). стр. 74-80.

**THE OLD BELIEVERS IN THE EUROPEAN NORTH IN RESPECT TO THE
«MAN-TO-MAN» LINKS IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY
(RELATIONSHIP WITH REGIONAL AUTHORITIES ACCORDING TO THE
MATERIALS OF A. S. PRUGAVIN)**

Kuznetsova, N. Yu.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10021

Kuznetsova Natalya Yuryevna, Head of the Department, Petrozavodsk State University
185910, the Republic of Karelia, Petrozavodsk, pr. Lenina, 33
E-mail: foliage.07@mail.ru

The article analyzes the views of the famous religious trends researcher and publicist A. S. Prugavin on the Old Believers in the European North of Russia (Olonets, Vologda and Arkhangelsk provinces) at the turn of the XIX-XX centuries. The researcher studied, including the Old Believers' relationship with the outside world, cooperation with the local government in particular. Research works of A. Prugavin reflect the desire to understand Old Believers, to evaluate them not only in terms of threats, but also in terms of the benefits that this religious group could bring to the state. The publicist emphasized that the Old Believers were excluded by the authorities from the legal field due to the duality of state policy. The townsfolk were also opposed to this group of believers. A. S. Prugavin considered Old Believers to be not just a significant part of the Russian people. Old Believers was a power that concentrated in itself the mechanism for the development of spiritual and intellectual forces for Russian societies.

Keywords: A. Prugavin, Old Belief, Religion, Religious Life, European North, the government

References:

- Boretskiy, A. S. (1877). Znaem li my raskol? *Nedelya*, (49), pp. 1655–1658; (50), pp. 1700–1705.
- Kuznetsova, N. Yu. & Sazhin, B. B. (2017). Persecution of the Amburskete in the letters of Alexander Stepanovitch Prugavin. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 62(4), pp. 807–816. doi: 10.21638/11701/spbu02.2017.408.
- Pashkov, A. M. (2009). S. A. Priklonskiy: Ot tsarskogo chinovnika do narodnicheskogo publitsista. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2(20), pp. 105-115.
- Prugavin, A. S. (1880, Fevral'). Arkhangel'skiy uezd, 24-go fevralya (Korrespondentsiya «Golosa») *Golos*, (64), pp. 3.
- Prugavin, A. S. (1880, Mart). Arkhangel'skiy uezd, 1-go marta (Korrespondentsiya «Golosa»). *Golos*, (68). pp. 3.

- Prugavin, A. S. (1881-1). Znachenie sektantstva v russkoy narodnoy zhizni. *Russkaya mysl'*, (1), pp. 301-364.
- Prugavin, A. S. (1905-1). *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom. (K voprosu o veroterpimosti)*. Moskva: «Posrednik», Seriya «Dlya intelligentnykh chitateley».
- Prugavin, A. S. (1997). *Programma dlya sobiraniya svedeniy o russkom raskole ili sektantstve*. Moskva: Sotsiologiya v Rossii XIX -- nachala XX.
- Prugavin, A. S. (1905-2). *Raskol i sektantstvo v russkoy narodnoy zhizni*. Moskva: Tipografiya I.D. Sytina.
- Prugavin, A. S. (1885). Samoistreblenie. Proyavlenie asketizma i fanatizma v raskole (Ocherki, analogii, paralleli). *Russkaya mysl'*, (I), pp. 79-111; (II), pp. 129-155.
- Prugavin, A. C. (1881-2). Solovetskie uzniki. K voprosu o monastyrskikh zatocheniyakh. *Russkaya mysl'*, (11). pp. 46–62
- Prugavin, A. S. (1879). Starovercheskie skity (po povodu odnogo chastnogo sluchaya). *Nedelya*. (38). pp. 1127-1131.
- Prugavin, A. S. (1868-1894). *Stat'i, zametki, skhemy o raskole* // RGALI. F. 2167. Op. 1. D. 67.
- Romanova, A. P. & Yakushenkov S. N. (2012). Frontirnaya teoriya: novyy podkhod k osmysleniyu sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy situatsii na yuge Rossii. *Innovatika i ekspertiza*. 2(9). pp. 74-80.